

Казанский П. И.

**Иудеи по возвращении из плена
вавилонского
профессор Пётр Иванович Казанский**

(Очерк, составленный на основании пророческих писаний Аггея, Захарии и Малахии).

С завоеванием Вавилона Киром кончились тяжелые и продолжительные страдания народа иудейского вдали от дорогой отчизны, вдали от дорогих для каждого иудея развалин священного города и храма. По указу Кира пленники получили возможность возвратиться на родину, восстановить Иерусалим и построить храм Иеговы. В этом указе Кир выразил такую благосклонность к иудеям, принял такое участие в устройстве их судьбы, что не только дал им позволение возвратиться в свое отечество и построить город и храм, но еще приказал помогать им золотом, серебром и другими необходимыми вещами и наконец, приказал выдать им священные сосуды, взятые Навуходоносором из храма Соломонова. С восторгом приняли пленники милость великого царя; радостно забились их сердца при вести о свободе. В этой благодатной перемене их судьбы они видели милость и благоволение Иеговы, столько времени гневавшегося на них. Иегова снова обратил на них Свой милостивый взор – и будущее начало светит им самыми отрадными надеждами, самыми утешительными упованиями. Без сомнения в это время припомнились народу иудейскому все великие обетования и пророчества о славной судьбе народа Божия, которым в годину испытания несчастный народ боялся верить и которые многим начали казаться несбыточными. Но настоящий радостный исход дела разогнал в народе это недоверие к своему будущему, эти сомнения на счет своей судьбы. Упавший и унывший дух народа снова поднялся высоко. Иегова за них – кто же может сомневаться в возможности исполнения всех великих обетований? И вот, еще не двинувшись из мест своего изгнания, не сделав шага на новом пути, обрадованный народ воображает себя уже обладателем обетованной земли, видит Иерусалим и храм восстановленными в прежнем, если не большем, величии и блеске; видит себя счастливым и блаженным, могучим и страшным для всех своих

врагов. Словом: на первых порах народ был на вершине счастья; он забыл о прошедших своих невзгодах, не думал о будущих затруднениях. Кто осмелится осуждать и обвинять за этот избыток радости и веселья народ, который так тяжело и горько страдал и теперь вдруг получил свободу? Но справедливость требует заметить, что в его радости было много мечтательного, в его ожиданиях и надеждах, в его уповании на Бога было много преувеличенного и чудесного: он видел в будущем только счастье и счастья, мечтал только об удачах и удачах и не думал о тех затруднениях, которые могли встретиться ему тотчас по вступлении его в Палестину ¹.

А в действительности затруднений этих было не мало.

Прежде всего, почти вся Палестина была занята чуждыми, враждебными иудеям народами. Можно сомневаться на счет того, позволил ли Кир этим первым, возвратившимся из плена иудеям занять всю область даже прежнего царства иудейского. Из очень краткого повествования Св. Писания видно, что вначале все сосредоточивалось около храма и Иерусалима. Что место древнесвященного города с приличной окружностью было передано возвратившимся и очищено от чуждых жителей, которые успели тут поселиться, – это понятно само собою. Но очень замечательно, что в подробном списке возвратившихся в первый раз упоминаются новые поселенцы только ограниченного числа городов древнего царства, и притом это по большей части только северные города, которые вместе с Иерусалимом причислялись к древнему Вениамину; из южных мы находим только Вифлеем, который со времен Давида почти неразрывно был связан с Иерусалимом (1Езд. 2; Неем. 7). Такое явление не могло быть случайным: без сомнения в Вавилоне сделалось известным, что только эти города и свободны для возвращающихся. Остальные важнейшие части древнего царства иудейского и израильского были заняты идумеями, самарянами и другими народами. Идумеи владели тогда всем югом царства иудейского и древним главным городом Хевроном, а на западе-до древних филистимских областей; далее к северо-востоку от Иерусалима между Иерихоном и очень незначительной областью обитателей Самарии они владели пространством около Иордана с городом Акраббимом, от чего вся эта область называлась Акрабатавией. Как идумеи овладели этими землями и утвердились в них, мы не имеем на это ни одного прямого свидетельства. Вероятно, Навуходоносор в награду за их неоднократную помощь ему во время войн против Иерусалима сделал их обладателями местностей к югу и северо-востоку от Иерусалима, чтобы с двух сторон сторожить за иудеями при помощи преданного себе парода. И эти давние

наследственные враги израиля владели сими местностями и теперь, когда Кир дал свободу иудеям и, по всем признакам, он вовсе не хотел изгонять идумеев из тех стран, которые ими были занимаемы и обрабатываемы в продолжение 50–60 лет.

Далее в северные и средние пределы земли обетованной проникли многие языческие народы и крепко утвердились здесь. На далеком севере ее, как уже показывает самое его имя Галилея, так же и на востоке по ту сторону Иордана издавна жили язычники, сильно смешавшиеся с израильтянами; здесь же еще от времен вторжения скифов сохранился город, населенный их остатками, всегда ревниво берегший свою независимость. В середине страны в Самарии жили поселенцы языческого происхождения, оставшиеся здесь от ассириян. Эти чуждые поселенцы, собранные сюда из очень различных стран, уже давно свыклись с этой страной и в продолжение времени видимо все более и более сроднялись между собою и образовали одну народность. Из этого видно, что даже в средину священной страны проникли разнообразные языческие элементы.

Таким образом, возвратившись в свою отчизну, иудеи очутились лицом к лицу с чуждыми и враждебными к ним народами, которые окружили новое неутвердившееся общество со всех сторон. Чтоб утвердиться, чтоб поставить себя в безопасное положение, ему, кроме сильной энергии душевной, немало нужно было и материальных средств и сил. Энергии и веры в свое будущее на первых порах у нового общества было много, но немного было у него силы и средств материальных. Даже самое число возвратившихся вначале было очень незначительно. Мы, верно, знаем, что число всех, которые собрались около развалин Иерусалима и прочих занятых ими городов, состояло только из 42,360 мужей с 7337 рабами и рабынями. Правда, можно думать, что это были самые горячие патриоты, но в материальном отношении это были по большей части люди бедные: богатейшие и могущественнейшие иудеи мало склонны были к возвращению в отечество.

Но, не смотря на свою бедность, малочисленность и множество враждебных народов, подкрепляемые почти единственно упованием на помощь Божию, иудеи бодро приступили к тому делу, которое важнее всего было для их народной жизни. Возвратившиеся с Зоровавелем, прежде всего, должны были начать постройку храма: восстановить древнюю святыню было задачей их священной ревности. Но трудность очистить развалины древнего священного места и приготовить его для основания нового храма была так велика, что при наступлении 7-го месяца построили только простой алтарь и по древнему обычаю принесли на нем

жертву. Не смотря на бедность народа, ревностно подвигались вперед приготовления к постройке храма. Опять, как некогда при строении первого храма, с Ливана поставляли кедровое дерево, нанимали плотников и других работников, нанимали тирские и сидонские корабли для перевозки драгоценного дерева до гавани иопийской. Таким образом, во втором месяце следующего года приспело время положить основание храма и это совершено было самым торжественным образом при звуках труб, при пении левитов и благодарственных песнях всего народа (1Ездр. 5, 16 ср. с 3, 10 и д.). Хотя у многих старейших, жрецов, левитов и начальников, которые еще видели первый храм (ср. Агг. 2, 2. Зах. 4, 10 с 1Ездр. 3, 12), при взгляде на бедное основание этого храма, далеко уступавшего первому в красоте и блеске, невольно вырвались громкие рыдания: однако же, весь остальной народ так сильно торжествовал при этом, что „нельзя было распознать восклицаний радости от воплей плача народного“ (1Ездр. 3, 13).

В эти дни народной радости и ликований общество самарийских поселенцев чрез торжественное посольство изъявило желание принять участие в построении храма; оно говорило: „будем и мы строить с вами, потому что мы, как и вы прибегаем к Богу вашему, и Ему приносим жертвы от дней Асардана, царя сирийского, который перевел нас сюда“ (1Ездр. 4, 2). Но представители возвратившегося из плена народа иудейского объявили, что не хотят иметь с ними никакого общения в деле построения храма и имеют позволение Кира только для самих себя. Истинное же основание такого отказа могло лежать только в особенных свойствах самарян. Хотя уже полтора столетия прошло с тех пор, как введена была религия Иеговы между язычниками, по преимуществу, поселенцами Самарии; но она введена была в полуязыческом виде прежнего царства 10 колен и кроме того она искажена была языческими воззрениями поселенцев Самарии, принадлежащих к разным племенам языческого востока (4Цар. 17. 24–41). Может быть, лучшие люди самарянского общества тяготились таким смешением различных религий и от них-то может быть и вышло предложение своего участия в постройке храма иерусалимского. Но члены нового иудейского общества не были уже похожи на своих предков, весьма склонных к язычеству.

Продолжительное народное бедствие совершенно изменило дух народа; теперь члены обновившегося общества ревниво хранили чистоту своей религии, и дух этой религиозной осторожности и мнительности, впоследствии развившийся до исключительности, в первый раз обнаружился в иудеях при этой попытке самарян: теперь в Иерусалиме

трепетали уже от одной мысли о соединении с соседями, у которых религия не довольно чиста. При этом легко могли придти на память древние укоризны против Самарии и те бедствия, которые постигли иудейское общество за близкие сношения с нею – и в новом обществе пробуждается гордое презрение к соседям смешанной или чисто языческой крови. Конечно, этот отказ самарянам очень благоприятно подействовал на народную ревность новых поселенцев в Иерусалиме и без сомнения предстоятели нового общества действовали только в духе большинства тогдашних иудеев.

Но дальнейшие последствия этой религиозной осторожности и боязливости были очень не благоприятны для нового общества. Отвержение предложения самарян было поводом к возбужденно прежней вражды между новым обществом и соседними народами. Потому что в этом событии высказался дух нового общества, ясно обнаружилось, в какие отношения станет оно к соседям, лишь только почувствует силу и успеет достаточно утвердиться. Народы, населявшие теперь священную землю, хорошо понимали, что им угрожает борьба на жизнь и смерть, что им грозит впоследствии опасность или быть изгнанными из Палестины, или лишиться самостоятельности. Действительно нельзя сказать, чтоб опасения соседних народов были совершенно без основания: даже в этом столь слабом остатке Израиля жило еще много древнего духа со всеми воспоминаниями о прошедшей славе и со всеми надеждами на блестящее будущее и в лице Зоровавеля стоял во главе иудейского общества потомок Давидов, около которого теперь сосредоточились все мессианские упования, как это открывается из пророческих слов того времени (Агг. 2, 20 – 24; Зах. 3, 8. 4, 9–14 ср. с высокими надеждами на разрушение всех языческих царств-Зах. 2). И вот самаряне, оскорбленные отказом, употребили все старание при персидском дворе, чтоб выставить иудеев людьми беспокойными и мятежными: „и им удалось выхлопотать царский указ о прекращении постройки храма (1Езд. 4, 4 и д.). Постройка храма остановилась и не подвигалась вперед во все остальное время царствования Кира. Без сомнения с наступлением нового царствования можно было надеяться на благоприятную перемену обстоятельств; но соседи Иерусалима и в Камбизе успели возбудить недоверие к народу иудейскому, нерасположение к постройке храма иерусалимского, к восстановлению самого города. И запрещение строить храм оставалось в прежней силе в продолжение царствований Камбиза и Лжесмердиса: потому что неприязненная интрига против иудейского общества неумоимо велась при дворе персидском до воцарения Дария (1Езд. 4, 4–

24).

Уже одних этих препятствий и неудач, которыми сопровождалось построение храма, достаточно было, чтоб значительно уронить бодрость духа в народе иудейском. Но испытания его этим не ограничились. К неудобствам и невыгодам нового общества присоединилось еще и то, что самая земля, на которой они поселились теперь, по причине продолжительного запустения и неоднократных опустошений, одичала и стала неплодородною. Земледелие иудеев долго находилось в самом плачевном положении, труды и траты новых поселенцев далеко не вознаграждались плодородием земли. Достоинства почвы упали до того сравнительно с прежним ее состоянием, что там, где получали некогда из копны двадцать мер зерна, теперь получали только десять: *егда влагасте в мех ячмене двадцат сат, и быша ячмене десять сат, и входисте в подточилие черпати пятьдесят мер, и быша двадцат* (Агг. 2, 17). Бесплодие ее по временам простиралось до того, что земледелец не выручал даже засеянных семян (Агг. 1, 6). К несчастью новых поселенцев и без того бесплодная и одичавшая почва не раз страдала от засухи: *удержитя небо от росы, и земля оскудит изношения своя. И наведу меч на землю, и на горы, и на пшеницу, и на вино, и на елей, и на вся, елика износит земля, и на человеки, и на скоты, и на вся труды рук их*² (Агг. 1, 10, 11 ср. 2, 18). От того хозяйство и домашняя жизнь народа были весьма скудны; хозяин дома испытывал недостаток в самом необходимом, семья его не имела достаточно пищи, питья, не имела теплого жилища; народ постоянно должен был опасаться наступления голодного времени. При крайней бедности и недостаточности средств, у новых поселенцев все как-то не спорилось; замыслы их не приходили в исполнение, предприятия не удавались. Так изображает пророк бедность и беспомощность нового общества: *сеясте много и взясте мало, ядосте, и не в сытость, писте, и не в пиянство, облекостеся и не согрестеся в них: и собираяй мзды, собра во влагалище дираво. Призресте на многа, и быша мала, и внесосте я в храм (домой), и отдунух я* (Агг. 1, 6, 9). *Аще еще познаетя на гумне, и аще еще виноград и смокви, и яблонь, и древа масличная не творящая плода*³? (Агг. 2, 20). Тогда, по словам другого пророка, *мзда человеком не бе во успех, и мзда скотом не баше* (Зах. 8, 10).

При крайней скудости и бедности внешняя безопасность общества не была достаточно ограждена и обеспечена: она нарушена была частью дикими зверями, которые размножились в продолжительное время безлюдья, частью всеобщим смятением, в которое приведены были пароды, жившие в соседстве с иудеями, безумным походом Камбиза

против Египта. Во все эти страны, тяжело пострадавшие от персидского похода, не раз делали вторжения морские разбойники и производили опустошения; тогда больше всего имело значение право сильного и буквально исполнилось изречение пророка: *и исходящему и входящему не бе мира от печали (от врага) и послю* (я допускал восставать) *вся человеки коегождо на искренняго своего* (Зах. 8, 10).

Одинокое положение среди враждебных народов, бедность и нищета, доходившая почти до общественного голода, вражда самарян, неблагоприятная перемена в отношениях персидского двора к новому обществу и вследствие всего этого невозможность строить храм Иегове – все это произвело самое неблагоприятное влияние на новое, еще не окрепшее и не утвердившееся общество: оно упало духом. Преподанных одушевленных надежд на быстрое восстановление храма, Иерусалима и всей славы иудейского царства, с которыми пленники возвратились в свое отечество, теперь как бы не существовало. На место их в обществе переселенцев распространилось уныние, возникли разного рода сомнения и недоразумения. Видя неоконченным свой храм, стали сомневаться в благоволении и помощи Иеговы, на которую так много надеялись прежде; думали, что они вовсе не во время принялись за постройку храма: *людие сии глаголют: не прииде время создати храм Господень* (Агг. 1, 2); на основании настоящих неудач стали заключать, что гнев Иеговы, постигший их предков, и теперь еще тяготеет над ними, и кто знает, скоро ли Иегова перестанет гневаться на них. Вследствие этих сомнений явился в обществе самый мрачный взгляд на свое возвращение из Вавилона, на свои попытки восстановить храм и Иерусалим, надежды видеть восстановление древнего царства сменились теперь горьким отчаянием: „напрасно возвращались мы из Вавилона, напрасно мечтали восстановить храм, Иерусалим и все царство», думали тогдашние иудеи. Эти сомнения и недоумения становились еще сильнее, западали в душу еще глубже, когда новые поселенцы обращали внимание на свое ничтожество, и на многочисленность и силу народов, их окружающих (Зах. 1, 19. 21). Израиль рассеян ими на все четыре стороны, унижен до того, что никто не может поднять главы своей (-21); ему ли надеяться восстановить Иерусалим, воздвигнуть храм Иегове? ему ли надеяться на возвращение славы прежнего царства и на победу над врагами? Скорее нужно полагать, что этот маленький остаток Израиля уничтожится и подавлен будет огромной массой языческих народов. И в самом деле, на каком основании это новое маленькое общество стало думать, что Иегова прекратил Свой гнев и обратил опять Свой милостивый взор на Сион и

Иерусалим? Что служит залогом этой благодатной перемены в отношениях Иеговы к Израилю? Не мечта ли – это? Ведь храм, в котором Иегова являл бы Свое присутствие среди Своего народа и принимал от него поклонение и жертвы, еще не существует и самое созидание его встречает неодолимые препятствия. Иерусалим даже не имеет вокруг себя стен, без которых каждому иудею он представлялся беззащитным городом. А таков ли должен быть Иерусалим, в котором явится Мессия? (Зах. гл. 2). Все это подавало иудеям повод думать, что прежние близкие и благодатные отношения Иеговы к Израилю еще не восстановлены.

Среди разного рода неудач, несчастий, сомнений прошло около двадцати лет. Все сильнее и сильнее начало проявляться в пароде глухое недовольство; боязнь, малодушие и самолюбие готовы были охватить все общество. В то время, как крайне нужно было общими усилиями положить самые первые основы общества и доставить ему необходимые средства защиты, многие стали думать, что нужно прежде всего позаботиться о себе, и свою соблазнительную лень и отвращение от благородного труда извиняли тем, что теперь вовсе не время, оставляя свой дом, соединенными силами заниматься постройкой храма: *Сице глаголет Господь Вседержитель, глаголя: людие сии глаголют: не прииде время создати храм Господень. И бысть слово Господне рукою Аггея пророка, глаголюща: аще время убо вам есть жити в домах ваших истесанных, храм же мой сей запусте? (Агг. 1, 2–4); храм мой есть пуст, вы же течете кийждо в дом свой(-1,9)* Эти неудачи начали производить уныние даже в предстоятелях нового общества – первосвященнике Иисусе и Зоровавеле, которые теперь в особенности должны бы отличаться непоколебимою верою и упованием на Бога. В особенности тяжелым камнем все это падало на сердце благочестивого первосвященника и мало по малу он начал поддаваться малодушию и робости, потому что его преследовала мысль, что Бог все еще гневается на Израиля и что еще не кончился плен. Для чего же жертвы, когда Господь отвращается от народа Своего и не восстановил прежнего завета Своего? Как могло быть приятным Иегове служение, когда первосвященник является пред Ним в измаранных одеждах (т. е. находится в состоянии не милости-Зах. 3)?

Зоровавель, на котором лежало преимущественно попечение о гражданском устройстве нового общества, не менее первосвященника страдал от разного рода сомнений и недоумений. Более, нежели кто ни будь, понимал он затруднительные обстоятельства своего общества, более, нежели кто ни будь, мог оценить все его нужды и потребности. Нужно было дать твердую опору гражданскому порядку в новом обществе,

построить общественные здания, в особенности восстановить Иерусалим с его святыней и таким образом новому царству дать прочное и безопасное положение. Все эти обязанности лежали на его совести; но для исполнения их немало нужно было средств, а их не было. Мы уже знаем, в каком жалком состоянии находилось общество, какая бедность тяготила его, в какое неприязненное и уединенное положение стало оно к своим соседям. Особенно вражда самарян много повредила новому обществу. Своими происками при дворе персидском, следствием которых было прекращение постройки храма, они нанесли новому обществу самый тяжелый нравственный удар: этот удар попал в самое чувствительное место: с храмом соединены были неразрывно все интересы нового общества, – религиозные, нравственные и гражданские; с ним соединены были все надежды и упования; храм был главным пунктом, около которого сосредоточивалась вся жизнь нового общества. Прекратить жизнь в этом пункте значило остановить ее во всем обществе. Вот почему прекращение постройки храма произвело глубокое уныние в возвратившихся иудеях. Зоровавель лучше других понимал значение храма для жизни всего общества и конечно сильнее других печалился от невозможности строить его. И чем больше думал он об этом, тем больше представлялось ему препятствий в этом важном деле. Кроме опасений за новое общество, его без сомнения немало беспокоили опасения за самого себя. Как предстоятель общества, как потомок царского дома Давидова, он прежде всех мог подвергнуться опале, в случае гнева персидских царей. И эта опасность не раз угрожала Зоровавелю. Так в царствование Лжемердиса персидские чиновники писали ко двору письмо, в котором выставляли новых жителей Иерусалима самыми опасными людьми: лишь только им удастся укрепить город и построить храм, они непременно станут во враждебное отношение к персидской монархии и будут добиваться независимости и самостоятельности (1Ездр. 4, 7–24). Как начальник общества и как потомок царского дома Давидова, Зоровавель скорее всех мог подвергнуться опале со стороны персидского двора вследствие неприязненного письма. Та же опасность угрожала Зоровавелю и тогда, как по голосу пророков Аггея и Захарии иудеи снова принялись за постройку храма, без разрешения персидского двора. Узнав о продолжении постройки храма, персидский чиновник послал царю подробное донесение о том, что делается в Иерусалиме, с указанием имен тех лиц, которые имели высший надзор над постройкой храма и потому больше всех подлежали ответственности пред персидским владыкою (1Ездр. 5, 3–5). Что это были за мужи, которые указаны были двору, как

возможные бунтовщики, мы в точности не знаем; но само собою понятно, что Зоровавель был один из первых. При виде таких затруднений и опасностей, грозивших как целому обществу, так и лично Зоровавелю, очень трудно было ему остаться мужественным, сохранить себя свободным от недоумений, от сомнения в счастливой будущности нового общества. И действительно Зоровавель начал поддаваться унынию и считать препятствия к восстановлению города и храма непреодолимыми (Агг. 2, 20–23. Зах. гл. 4).

Но в эти важные и опасные минуты, когда уныние готово было охватить все общество, когда переселенцы, едва начав свое дело, готовы были уже оставить его, явились на помощь народу пророки Аггей и Захария. Своим могучим словом они оживили совсем было упавшее мужество своих сограждан и своими утешительными откровениями и обетованиями воскресили в нем веру в будущее значение судеб иудейского народа и исполнение всех древних обетований. Они всеми силами стараются возбудить ревность к построению храма, который должен быть окончен, не смотря ни на какие человеческие опасения и сомнения. Мужество их возбуждалось еще более от сознания всей важности этого дела. Они очень хорошо понимали, что если новое общество хочет опять сделаться избранным народом Иеговы и не желает воротиться назад, то оно непременно должно, прежде всего, построить храм. Храм иерусалимский имеет существенное значение для ветхозаветной Церкви Божией. Благодатный союз Бога со Своим избранным народом необходимо предполагал существование особенного места, в котором могло бы проявляться и поддерживаться благодатное общение между Богом и народом и которое служило бы видимым залогом действительности этого общения.

Поэтому Бог, тотчас после заключения завета с народом Своим при Синае, повелел Моисею устроить скинию, в которой, как в видимом символе, Ему угодно было являть Свое присутствие среди народа, и в знамение исполнения этого божественного обетования „облако покрыло и слава Господня наполнила“ как скинию, так и заступивший ее место храм Соломонов (Исх. 40, 34; 3Цар. 8, 10, 11). Таким образом, существование ветхого завета или Царства Божия в избранном народе было тесно связано с храмом. С разрушением храма прекратился союз между Богом и избранным народом. Чтоб возобновить союз, прерванный во время плена, восстановить Царство Божие в ветхозаветной форме, – народу иудейскому прежде всего необходимо было построить новый храм и тем фактически доказать свое желание и свою готовность снова вступить в благодатное

общение с Богом. Потому пророки, прежде всего, стараются устранить главное и самое существенное препятствие к исполнению этой важнейшей обязанности. Препятствие это заключается в нерадении самого народа к этому святому делу, в его малодушии и робости.

Народ говорил: „еще не пришло время строить дом Иеговы“. К такому заключению народ пришел вследствие своей бедности, бессилия, вследствие враждебных отношений к нему соседей. Препятствия такого рода он считал непреодолимыми; ими он оправдывал себя перед своею совестью и уже готов был оставить свое дело. Но пророк Аггей главную причину всех неудач видел не в этих неблагоприятных обстоятельствах, но в самих иудеях: в их нерадении и лени, в недостатке мужества и настойчивости. Препятствия, которыми извинял себя народ, действительно были; их никто не отвергает, но они далеко не таковы, чтоб их нельзя было преодолеть. Каждый хозяин дома, каждое семейство уже успели построить себе дом, обшить его тесом и обзавестись, хоть небогатым, хозяйством. Затруднительные обстоятельства того времени не помешали этому делу. Любовь к собственному благу, любовь к своему семейству дали возможность преодолеть все препятствия к постройке частных домов. Отчего же дом Иеговы стоит в запустении? Если бы у них любви к Иегове, ревности к Его славе было столько же, сколько любви к собственному благу, то постройка храма была бы уже окончена. Совершение этого дела для целого общества не представило бы больших трудностей, чем те, которая встречались каждому хозяину при устройстве своего дома. Так пророк приводит народ к сознанию своего нерадения, невнимательности в отношении к дому Иеговы. И в несчастиях, постигавших новое общество, он видит наказание Божие за это нерадение (Агг. 1, 5. 6. 9–11 ср. 2, 15–19).

Из упомянутых неудач и бедствий народ вывел заключение, что Иегова все еще гневается на него. Голос пророческий старается уничтожить и это сомнение, приводившее в уныние иудеев. Со стороны Иеговы уже нет, препятствий к восстановлению завета с народом иудейским. Гнев Его прекратился, и взор Его милостиво обращен к Своему народу. Иегова сжалился над Своим народом, возревновал о Иерусалиме и Сионе ревностью великою и положил в Своем совете восстановить храм и Иерусалим (Зах. 1, 14. 16). Восстановление Иерусалима – дело до того несомненное, что Господь уже определил, какой быть широте его и какой длине его (Зах. 2, 1. 2). Он сделается городом многолюдным и славным. Вслед за ним будут восстановлены и прочие города иудейского царства; они быстро населятся и станут преизобиловать богатством (Зах. 2, 4; 1, 17).

Без сомнения отрадно и возбuditельно действовали на иудеев эти

пророческие обетования. Но все еще иудеи не могли укрепиться духом в виду непривлекательной, незавидной действительности. Слава и величие Иерусалима и храма, процветание и благоденствие царства, как ни близки были сердцу каждого иудея; но все же оно не могло отдаться вполне этой вере, потому, что Иерусалим все еще оста вался беззащитным, не имел еще стены. Как мог иудей быть уверенным в будущем величии своего народа, когда этот народ в сравнении с прочими так ничтожен и мал, так унижен и обессилен? Чтоб рассеять эти сомнения, пророк старается внушить своему народу, что новый Иерусалим не будет нуждаться в стенах: сам Иегова будет его стеною. Он поселится среди Своего народа и будет беречь его, как зеницу ока: *и Аз буду ему, глаголет Господь, стена огненна окрест, и в славу буду посреди, его (Зах. 2, 5). Зане се Аз гряду, и вселюся посреде тебе (-10)... касаясь вас, яко касаясь в зеницу ока Его (-8)*. Посему иудеи не должны смущаться при мысли о своем ничтожестве и бессилии и о величии и могуществе своих многочисленных врагов. Всесильная помощь и защита Иеговы дает незначительному иудейскому народу решительный перевес над прочими народами. Вот уже близко то время, когда Иегова сокрушит могущество языческих народов, которые владычествовали над иудеями, унизили и рассеяли их по всем странам (Зах. 1, 21). Вслед за уничтожением могущества врагов народа иудейского последует собрание всех рассеянных иудеев в землю обетованную и воцарение над ними Иеговы: иудейский народ снова делается уделом Иеговы (Зах. 2, 6. 7. 12. 13).

Обличая и утешая целый народ, пророки не раз обращались с своими ободрительными речами и к частным лицам, от которых много зависало благоустройство нового общества – к первосвященнику Иисусу и Зоровавелю. Мы уже видели, что уныние, распространившееся в обществе, коснулось и этих лиц. Для уничтожения всех сомнений первосвященника и для возбуждения его бодрости пророк Захария, под образом снятия с первосвященника измаранных одежд и облачения его в одежды светлые, открывает, что Иегова прекращает гнев на народ Свой и приемлет его под Свое покровительство; вина его уничтожена. Иегова снова приемлет от народа служение, молит вы и жертвы. Пусть же не смущается сердце первосвященника за народ, вверенный его попечению! И как можно было первосвященнику поддаться сомнению и говорить в сердце своем: „дело наше напрасно, потому что мы не имеем никаких залогов помилования и исполнения наших упований“? „Ты и други твои сидящие пред тобою – мужи знамения“. Все состояние возвратившихся было необыкновенно, и хотя оно было печально, но все же для взора верующего служило залогом и

знамением будущего. Самое возвращение было знамением и чудом. Возвратил ли бы их Господь, если бы не хотел исполнить Своих обетований? (Зах. 3, 9).

Подобным же образом пророк ободряет и Зоровавеля. Конечно, сам по себе народ иудейский слаб и ничтожен, не представляет Зоровавелю могущественных средств к устройству храма и всей жизни народа; но Зоровавель кончит это великое дело не своею силою и крепостью, а подкрепляемый всемогуществом Иеговы, Его бдительным попечением о Своем народе: ради блага Своего народа Провидение Божие бодрствует над Зоровавелем и устраняет на его пути все препятствия, как бы они велики, ни были. *Сие слово Господне к Зоровавелю, глаголя: не в силе велицей, ни в крепости, но в Дусе Моем, глаголет Господь Вседержитель. Кто ты еси гора великая пред лицом Зоровавеля, еже исправить?* (с Евр. Что ты, великая гора, пред Зоровавелем? равнина. Зах. 4, 6, 7). *Руце Зоровавелевы основаша храм сей, и руце его совершат его* (Зах. 4, 9 ср. Агг. 2, 21–23).

Ободренные и утешенные пророческим словом иудеи снова принялись за постройку храма, даже прежде, нежели получили разрешение на это от персидского двора (Агг. 1, 14 ср. 1Езд. 5, 1–5). Между тем чиновники персидские, узнав о возобновившейся постройке храма, послали донесение ко двору. Благодаря справедливости и умеренности царя Дария, дело кончилось счастливо для иудеев. Вследствие представления наместника, изобразившего дело правильно и беспристрастно, при персидском дворе приказали исследовать дело исторически, и – царский указ снова подтвердил первоначальное позволение Кира (1Езд. 5, 6–6, 13). Постройка храма быстро начала подвигаться вперед и скоро приведена была к концу (1Езд. 6, 14, 15).

Ничтожен, мал и беден был теперь народ иудейский. Предшествующая катастрофа едва не уничтожила бытие иудейского народа. После нее он был так слаб, что едва мог положить самые первые основания новой гражданской своей жизни, едва мог удовлетворить первым своим потребностям. От прежнего гражданского значения иудейского народа почти не осталось никаких следов. Но не такими последствиями сопровождался вавилонский плен для религиозной и нравственной жизни народа иудейского.

Из предшествующей истории народа иудейского мы знаем, до какой степени пал он в религиозно-нравственной жизни. Он до того склонен был к идолопоклонству, что постоянно забывал Иегову ради всякого нового идолослужения; в сознании многих из иудеев Иегова низведен был на

степень обыкновенных богов; явились наконец такие люди, которые жили без всякой религии. И в нравственной жизни народ иудейский мало отличался от язычников: располагать свою жизнь сообразно правилам и обычаям язычников – сделалось модою между иудеями, особенно богатыми и знатными. Напрасно пророки увещевали народ оставить идолопоклонство и развратную жизнь-народ не обращал внимания на их слова и даже смеялся над ними. Напрасно некоторые благочестивые цари, как Езекия и Иосия, старались совершить обращение своего народа, очищение своего царства от идолопоклонства, – усилия их не приводили к желаемым результатам, потому что сам народ не был расположен к такому доброму делу. Нужно было какое ни, будь необычайное средство для исправления и восстановления упавшего народа, – средство, которое отрезвило бы обезумевший народ, дало бы ему возможность понять, чего он лишается, нарушая завет свой с Богом, и какую беду накликает на себя своей страстью к идолопоклонству. Таким средством оказался плен вавилонский. Чего не могли совершить пророки и лучшие цари, то совершила страшная катастрофа, постигшая народ иудейский, насильственно вырвавшая его из отечественной земли и бросившая его в чуждую страну, в среду идолопоклонства.

Среди самых тяжелых ударов несчастья, каким только может подвергнуться народ, иудеи без сомнения припомнили, прежде всего, увещания и угрозы пророков: теперь пред глазами несчастного народа было самое строгое и точное исполнение многих из них; он припомнил свою крайнюю беспечность, постыдное пренебрежение к речам пророческим, свою прежнюю незаконную жизнь, горькие и ужасные последствия которой он теперь испытывал, и чувства глубокого сокрушения и искреннего раскаяния должны были пробудиться в нем. Оно так действительно и было. Самое ясное свидетельство этого представляют нам четыре дня покаяния и поста, которые соблюдались в воспоминание четырех величайших народных несчастий каждогодоно, в четыре различные месяца, и продолжали существовать до дней нового Иерусалима (Зах. 7, 5; 8, 19). С самого плена начался в обществе иудейском поворот жизни к лучшему; народ желал бы прекратить всякую связь с своей прошедшей жизнью и, если бы это было возможно, забыть о ней совсем. Не грешить опять так, как грешили отцы т. е. предки, – теперь стало настоящим завещанием новому поколению: *прогневался Господь на отцы ваша гневом велиим. И речеши к ним: сице глаголет Господь Вседержитель: обратитесь ко Мне, и обращуся к вам. И не будите, яко же отцы ваша, ихже обличаху пророцы прежнии* (Зах. 1, 2–4; 7, 6–12). Это

увещание Божие нашло добрую почву в сердцах иудейского народа, возвратившегося из плена вавилонского. Жизнь в плену, среди язычников как нельзя больше способствовала возбуждению отвращения к идолопоклонству и содействовала раскрытию сознания несравненного превосходства истинной религии. Теперь после плена уже нет и помину об идолах: служение им потеряло для иудеев всю свою привлекательность; как причина всех бедствий, перенесенных народом, как религия того народа, у которого иудеи были в порабощении, идолопоклонство решительно им опротивело. В плену все отдельные личности народа иудейского должны были по необходимости вступать в постоянное и самое тесное соприкосновение с язычеством; теперь самым решительным и определенным образом доставлен был самой жизни вопрос, нужно или нет забыть и оставить свою религию и подчиниться религии языческих повелителей. Но вопрос этот не мог быть решен в пользу язычества: самое близкое соприкосновение, самое точное знакомство с ним должно было возбудить в иудеях самое глубокое отвращение от него: между вавилонянами язычество достигло высшего развития, и в искусстве и в науке и в самой жизни оно выразилось вполне со всеми своими недостатками, со всем своим нравственным безобразием. По мере того, как язычество в глазах народа иудейского теряло свое очарование и свое обаятельное влияние на него, пред его сознанием ярче и ярче выступали высокие преимущества его отечественной религии: высота истин, которым она учила, чистота нравов, которые она заповедовала своим последователям, теперь стали понятнее и осязательнее народу иудейскому: в нем пробудилось самое сильное стремление сохранить неизменную верность вечным истинам своей религии, на которых некогда основано было общество; теперь наконец народ глубоко сознал, что они только и могут составить истинное его счастье, и они только и могут поддержать его в эту тяжелую годину испытания. С более чутким сознанием истинности служения Иегове пробудилось теперь презрение ко всему языческому.

И чем более сознавал народ иудейский достоинства своей религии и пустоту и ничтожество идолопоклонства, тем мрачнее и безотраднее казалась ему прежняя его жизнь, тем сильнее пробуждалось в нем горькое чувство раскаяния в прежних преступлениях, в своей прежней привязанности к идолопоклонству и в постоянном оскорблении Иеговы Бога израилева. И после плена обстоятельства возвратившегося народа были таковы, что все более и более усиливали это чувство и приводили на память прежние преступления народа. Бедность, скудость народных

средств, несчастия и разного рода неудачи, особенно неудачи при восстановлении храма, политическое ничтожество и зависимость иудеев от язычников – все это и многое другое усиливало в народе упреки совести и пробуждало в нем чувства самого глубокого и смиренного раскаяния пред Господом Иеговою. В минуты такого покаянного настроения духа народ иудейский проникался самым глубоким и смиренным сознанием своей виновности пред Богом: ради множества беззаконий он считает себя недостойным быть избранным народом, стыдится обратить лице свое к Иегове Богу своему и в своих прежних бесчисленных бедствиях и в настоящем, довольно уничиженном состоянии видит праведное воздаяние за все преступления народа. В своей молитве пред Богом вот что говорит Ездра: *Господи, Боже мой, стыждуся и срамляюся воздвигнути лице мое к Тебе: яко беззакония наша умножишася паче глав наших, и прегрешения наша возрастоша даже до небесе. От дней отец наших в преступлении великом есмы даже до дне сего: и в беззакониих наших предани есмы мы и цари наши и священницы, и сынове наши в руку царей языческих, в меч, и в пленение, и в расхищение, и в стыдение лица нашего, яко же в день сей* (1Езд. 9, 6. 7). Чувства Ездры, выраженные в этой трогательно-покаянной молитве, по справедливости, можно считать чувствами и большей части народа; потому что эта молитва глубоко подействовала на народ, вызвала у него не только слезы раскаяния, но и самое живое желание исправить свою жизнь согласно Закону Божию (1Езд. 10). И вообще в народе иудейском за это время заметно сильное стремление сообразоваться в жизни своей с волею Божьею. Для удовлетворения этого стремления при всяком удобном случае и особенно при всенародных собраниях предлагалось чтение и толкование Закона Божия. Слова апостола Иакова на апостольском соборе: *Моисей от родов древних по всем градам проповедающия его имат в сонмицах по вся субботы чтомый* (Деян. 15, 21) – конечно можно относить ко временам и прежде плена; но мы в первый раз после плена имеем определенные свидетельства о чтении Закона Божия и объяснении его многочисленному собранию народа, потому, что плен пробудил в народе живую потребность изучения закона. Уже Ездра подал пример чтения и объяснения закона во время торжественных народных собраний (Неем. 8, 1 и д.). Кажется, на первый раз эта обязанность преимущественно лежала на священниках (Мал. 2, 7 ср. Неем. 8, 7–9, 11; 9, 5). Между прочим именно и распространение знания Закона Божия в народе все сильнее и сильнее пробуждало желание устроить и общественную и частную жизнь по закону Моисееву и устранить отовсюду все чуждое, языческое.

Таким образом, вообще говоря, иудеи после плена были очень строги в религиозной и нравственной жизни: во всем заметно стремление сообразоваться с законом Моисеевым; об уклонении иудеев к богам чуждым, пристрастии к языческим обычаям, – у пророков после плена нет ни слова; только впоследствии появились некоторая уклонения от предписаний закона Моисеева. Народ стал удерживать у себя часть десятин и других приношений, предписанных законом, приносил жертвы недоброкачественные, со многими недостатками, запрещенными законом, – возлагал на жертвенник нечистый хлеб, животных слепых, хромых и больных, а лучшие вещества и лучших животных оставлять у себя. На жрецах лежала обязанность следить за доброкачественностью приносимая в жертву и устранять от жертвенника то, что запрещено законом. Но жрецы не исполняли этой обязанности; принимали от приносящих и возлагали на жертвенник нечистый хлеб и животных с разными недостатками. Такое пренебрежение своими обязанностями со стороны жрецов происходило от крайней беспечности, а скорее всего от корыстных расчетов, прикрываемых только лукавым снисхождением к бедности приносивших жертву (Мал. 1, 7–14; 3, 8–12). Другим и, кажется, более опасным уклонением от закона Моисеева были браки с языческими иноплеменницами. С одной стороны такими браками наносилась крайняя обида иудеянкам, оставляемым ради иноплеменниц: несчастные, брошенные своими прежними мужьями, должны были терпеть крайнюю нужду, находиться в крайне беспомощном положении; с своими жалобами, слезами и воплем они могли обращаться только к Богу; на это указывает пророк, когда говорит: *покрываете слезами алтарь Господень, и плачем и воздыханием от трудов* (Мал. 2, 13). С другой стороны, разводясь с иудеянками и вступая в брак с язычницами, подрывали уважение к брачному союзу и тем обязанностям, которые с ним неразлучны, а главное путем таких браков открывали свободный доступ в общество языческим верованиям и нравам: иудейскому обществу снова грозила опасность сделаться языческим. Вот почему пророки и благочестивые, люди того времени сильно восстали против таких браков и старались прекратить зло в самом начале. Вот почему пророк Малахия называет такие браки» мерзостью и унижением святыни Иеговы: *оставлен бысть Иуда, и мерзость бысть во Израиле и во Иерусалиме: зане оскверни Иуда святая Господня, яже возлюби, и преиде к богом чуждим* (Мал. 2, 11).⁴

Не желая оправдывать этих уклонений и уменьшать их значения, мы все-таки должны сказать несколько слов об их характере сравнительно с преступлениями народа пред пленом. Там заметно грубое пренебрежение

Закона Божия, исчезновение всякой мысли о его святости и превосходстве пред религиями прочих народов; здесь преступления народные вовсе не имеют такого характера: нарушая то или другое предписание Закона, народ еще сознает святость и значение Закона и не считает себя свободным от исполнения его предписаний; хотя он и придумывает разные извинения в свое оправдание, но по всему видно, что он считает себя преступником, достойным наказания: самое выдумывание предлогов в свое оправдание показывает это. Конечно, преступно лукавое извинение своих грехов, но все же оно показывает, что человек не так глубоко пал, как пал тот, кто при всех своих преступлениях не считает себя виновным пред Законом; доколе живет в человеке сознание своей виновности, доколе еще есть надежда на его исправление. Таким именно характером и отличаются упомянутые уклонения народа иудейского от Закона в период после плена. Народ утаивает у себя часть десятин и других приношений, приносит в жертву запрещенное Законом, – и в оправдание себя ссылается на свою бедность и затруднительные обстоятельства (Мал. 3, 8–12) и тем обнаруживает сознание своей виновности. Поэтому-то обличения пророков того времени не оставались без добрых последствий. Пророк Малахия обличает народ за утаивание десятин и лукавое извинение себя бедностью, и с достоверностью можно думать, что слова его не остались без действия: хотя на это нет указаний в самых пророческих писаниях, но вся последующая история народа иудейского показывает, что слова пророка упали на добрую землю: у иудеев последующего времени было сильно развито уважение ко всем предписаниям Закона Моисеева. Ездра и Малахия обличают своих единоплеменников за незаконные супружества с иноплеменницами и с таким успехом, что вследствие их убеждений расторгнуто было много таких супружеств (1Езд. 10, 18–44).

В период после плена вавилонского, когда стесненные обстоятельства народа все более и более возбуждали ожидание Мессии, заключился круг откровений о Мессии и Его царстве. Здесь открыто было немало частных событий из земной жизни грядущего Мессии. Вот сущность этих откровений в кратком очерке. Пред пришествием Мессии в мире явится Его Предтеча (Мал. 3, 1). Он будет действовать в духе Илии (-4, 5). Как только Предтеча исполнит свое дело, тотчас явится в храм Свой Господь, Ангел Завета (Мал. 3, 1). В жалком положении будет тогда народ иудейский. Он будет походить тогда на стадо овец, назначенных на убиение, которых купившие убивают и за грех не почитают того, и продавшие говорят: „благодарение Иегове, теперь я разбогател» и которых не жалеют пасущие их. Для спасения этих-то несчастных овец и придет на

землю Господь, Пастырь добрый. С великим тщанием Он будет пасти овец Своих, но повсюду найдет противоречие Себе: величайший Пастырь не смотря па Свои бесконечные заслуги, будет оценен Своим народом в тридцать сребреников (Зах. 9, 4–14); и, не смотря на то, что Он царь Правосудный, Кроткий и Спасающий (Зах. 9, 9); Его пронзит неблагодарный и бессмысленный народ (Зах. 12, 10). Но этим самым народ произнесет над самим собою приговор. Наказания Божия разразятся теперь над Иудею. Сильные массы войска окру жать стены Иерусалима и стеснять город (-12, 2); страшные бедствия постигнуть тогда Иерусалим: город будет взят, дома будут разграблены, поруганы будут жены и пойдет половина города в плен (-14, 2). Тогда у ослепленных отверзнутся очи; они исповедуют свое согрешение в отношении к истинному Пастырю и полные скорби раскаяния воззрят на Того, Которого пронзили и спасутся (-12, 10). А между тем дело доброго и истинного Пастыря отнюдь не погибнет, не смотря на Его смерть. Его Царство – царство мира – распространится повсюду; держава Его будет простираться от моря до моря и от реки великой до пределов земли (9, 10), потому что и у язычников откроются очи; весь мир будет поклоняться единому Богу: *от Восток солнца до Запад имя Мое прославится во языцех и на всяком месте фимиам приносится имени Моему и жертва чиста: зане велие имя Мое во языцех будет, глаголет Господь Вседержитель* (Мал. 1, 12).

Примечания

¹ - Что действительно так мыслили и чувствовали иудеи, возвращаясь из плена, – это можно видеть из того глубокого уныния, в какое они впали по возвращении в Палестину вскоре после того, как им пришлось испытать невыгоды своего положения: из одной крайности они впали в другую. При неудачах и препятствиях они сомневаются в помощи Божией; малодушествуют при виде бедности возникающего храма и города (Агг. 2, 3–4). Поэтому пророки стараются внушить иудеям, что Иегове не благоугодно делать все за них и для них, особенно когда в них самих замечает самолюбие, беспечность и нерадение о славе: Божией (Агг. 1, 2–11), что бедность храма и Иерусалима не воспрепятствует пребыванию Иеговы среди народа Своего (Агг. 2, 4 и д. Зах. 2, 5), что препятствия и неудачи разного рода не должны служить поводом к сомнению в попечении Иеговы о Своем народе (Захар. 3, 9, 4, 6, 7, 10) и внимательные могут заметить действия провидения и среди затруднений народа (Зах. 3, 8), что народ иудейский достигнет величия, славы и счастья, но не вдруг, а главное стараются внушить ему, что величие его будет духовное, а не чувственное (Зах. 3, 10; 4, 1–6; гл. 8)

² - С евр. небеса над вами удерживают росу свою и земля не дает плодов своих. И Я призвал засуху на землю, и на горы, на хлеб, и на виноградный сок, и на деревянное масло, и на все, что производит земля, и на людей, и на скот и на все труды рук.

³ - С евр.: остаются ли уже в жилищах зерна? И до ныне ни виноградная лоза, ни смоковница, ни граната, ни масличное дерево не приносили плода.

⁴ - С еврейского: Вероломна Иудея, и мерзость совершается у Израиля и в Иерусалиме: ибо Иуда унижил святыню Иеговы тем, что любит и берет в супружество дочь бога чужого.

Содержание

Казанский П. И. Иудеи по возвращении из плена	1
вавилонского профессор Пётр Иванович Казанский	
Примечания	20